

ПРЕДИСЛОВИЕ

Из многочисленного сонма новомучеников и исповедников Российских XX века можно особо выделить имя святой мученицы Татианы (Гримблит), поэтическое наследие которой держит в руках читатель. По воле Божией недавно были обнаружены две рукописные тетради с ее стихами. Перед нами уникальная возможность проникнуть во внутренний мир человека, претерпевшего за Христа многие гонения, тюремные заключения и мученическую смерть.

Некогда святитель Иоанн Златоуст, рассуждая на примере мучеников об истинности будущего всеобщего воскресения, сказал: "Сильнейшим поистине доказательством воскресения служит то, что Христос умерщвленный явил после смерти такую силу, что живых людей убедил презирать и отечество, и дом, и друзей, и родных, и самую жизнь ради исповедания Его и настоящим удовольствиям предпочитать бичевания, опасности и смерть... Не только мужи, но и нежные дети и не знавшие брака девы, и вообще всякий возраст и каждый пол стремятся на смерть за благочестие".

Стихи являются в святой мученице Татиане дар талантливой поэтессы, они красноречиво свидетельствуют, что жизнь ее была целиком и беззаветно посвящена служению Богу и ближним. Как и древние мученицы, святая Татиана восхищает своим целомудрием, неустрешимой решимостью безропотно и

до конца нести крест жизненных страданий, своих и чужих. Ее внутренний человек, исполненный девственной чистоты, как некий духовный магнит, влечет к себе своей христоподражательной красотой, доставляя душам нашим отраду и утешение.

В жизни каждого человека неизбежно решается вопрос о выборе вечных ценностей. Жизнь мученицы Татианы — яркий пример этого: молодая девушка избрала бесценные по содержательности смысл и цель жизни — беззаветно служить Христу и ближним, страдающим за имя Христово. Современная молодежь откладывает свой жизненный выбор на более зрелые годы, не замечая, как быстро летит жизнь. На самом же деле этот выбор зависит не от возраста, а от силы веры в Бога, в Его святой Промысел о человеке — именно эта вера дает решимость человеку взять крест и последовать за Христом. Глядя на жизнь святой мученицы Татианы, читатель невольно задумается и о цели своей жизни и, может быть, поторопится найти такие же настоящие ценности, которыми жила святая подвижница.

Публикуя стихотворения мученицы Татианы, Фонд "Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви" продолжает знакомить читателей с сокровищами Матери Церкви, украшенной подвигами наших святых соотечественников — ее верных сыновей и дочерей.

Игумен Дамаскин (Орловский)

ЖИТИЕ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ ТАТИАНЫ

Мученица Татиана родилась 14 декабря 1903 года в городе Томске в семье служащего акцизного управления Николая Ивановича Гrimблита и его супруги Веры Антониновны, урожденной Мисюровой. Ее отец, один из весьма уважаемых священников Томска, был сыном псаломщика Александра Мисюрова. Антонин родился в 1845 году, окончил церковноприходскую школу и затем был принят на казенный счет в Тобольскую Духовную семинарию, которую окончил с отличием, и в 1866 году поступил в Казанскую Духовную академию, окончив ее по 1-му разряду. По окончании академии он женился на дочери священника Софье Александровне Померанцевой и в 1870 году был назначен в Томскую Духовную семинарию преподавателем общей и русской церковной истории, практического руководства для пастырей и литургики. В 1871 году он был рукоположен во священника ко храму во имя святой равноапостольной Марии Магдалины при Мариинской женской гимназии. В 1892 году епископ Томский и Барнаульский Макарий (Невский) назначил его настоятелем клинической церкви во имя великомуученика Пантелеимона при Императорском Томском университете, а в 1898 году — настоятелем церкви при Томской мужской гимназии. В 1894 году отец Антонин был возведен в сан протоиерея.

Во все времена своего пастырского служения он был законоучителем во многих учебных

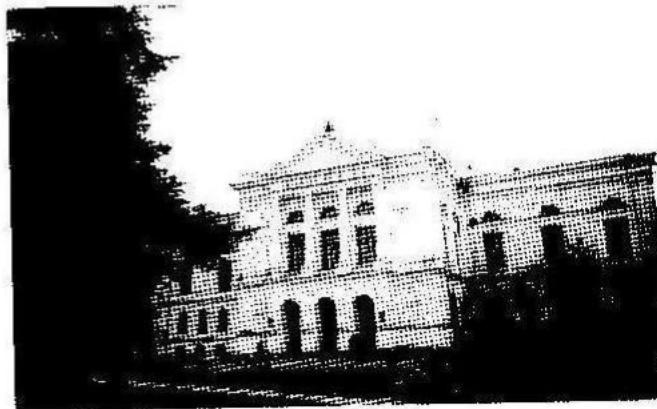
Протоиерей Антонин Мисюров

заведениях города Томска, и в частности в Мариинской женской гимназии, где училась его любимая внучка Татьяна. Будучи сам ревностным и верным служителем Христовым, протоиерей Антонин и Татьяне сумел открыть сердечные очи на неотмирную красоту этого служения, от которого захватывало дух, как от чистого, прозрачного горного воздуха. Он помог ей глубоко понять и осознать, насколько важно и ценно беречь от зла свою душу с детства, чтобы, как драгоценный сосуд, душа не была повреждена насилием страстей и грехов в детстве и отрочестве, когда впоследствии потребуется восстановление ее целостности силою божественной благодати, но чтобы она, как приготовленная нива, от детства напитывалась божественным дождем и принесла плод сторичный. Благодатный выбор беззаветного служения ближним, когда человек, оставляя все в прошлом, стремится в грядущее, опираясь лишь на веру в Христа, открывает перед ним и путь Христов — полный страданий, житейской неустроенности, когда бывает негде преклонить главу, когда он попадает в отчаянные по человечеству обстоятельства, но верою во Христа, его поддерживающего, никогда не отчаивается.

Первые страдания, первая скорбь была от родных, не одобравших выбора Татьяны посвятить свою жизнь помощи ближним, а дедушка-священник в 1915 году уже отошел в обители вечные. Для родственников ее самоотверженное служение Христу стало неприличным для благовоспитанного мира юродством. Особую скорбь приносили Татьяне отношения с матерью, хотя и благочестивой, но не могущей принять ее высокого и странного для мира подвига. Она не одобрила выбор

Здание бывшей Мариинской женской гимназии.
Томск. Современное фото

Здание Томского Императорского университета.
Томск. Современное фото

Татьяны — лишить себя всех радостей и благ земных, всю себя посвятив служению нуждающимся в помощи, в скорбных обстоятельствах находящимся ближним. Таких всегда и во всякое время было довольно: их было довольно во времена Христа, и в первые столетия жизни на земле Церкви, и во времена святого праведного Иоанна Кронштадтского, и уж тем более в советское время, когда темницы заполнились заключенными христианами — и было, было кого посещать и кому помогать.

В 1920 году Татьяна окончила Мариинскую гимназию. В этом же году от тифа умер отец, ему исполнилось в это время пятьдесят пять лет. Он был сыном сироты, Ивана Ивановича Гrimблита, прослужившего двадцать пять лет в армии и после демобилизации работавшего управляющим имения в Казанской губернии. Николай в 1887 году окончил в Казани Техническую Артиллерийскую школу и служил при Казанском Артиллерийском складе. В 1896 году он был переведен в Казанское Окружное артиллерийское управление. Его супруга, Вера Антониновна, очень скучала по родителям и уговорила мужа переехать в Томск. В 1899 году Николай Иванович был переведен в город Томск и назначен младшим контролером 1-го округа Управления акцизными сборами Томской губернии и Семипалатинской области, и в этой должности прослужил до 1919 года.

После смерти отца дети сами выбирали для себя образ жизни, большей частью посвятив ее житейским делам, самим по себе не греховным, не злым, но весьма далеким от высокого христианского идеала, путь к которому есть, по выражению апостола Павла, юродство. В 1920 году Татьяна посту-

Дом, в котором проживало семейство
Гrimblit. Томск, ул. Тверская 53

пила работать воспитательницей в детскую колонию "Ключи". Здесь впервые раскрылось богатство ее дарований. Она часами могла рассказывать детям о Боге, о русской истории, о природе Томского края, которую любила с такой беззаботной признательностью, как будто именно на этой, настроенной сугубо серьезно природе отпечатался деятельный и любящий облик Творца. Для кого-то эта природа была связана только с долгой зимой и полярными ночами, а для нее — с Полярной звездой и чудом северного сияния. В природе Сибири для чистой девицы была скрыта и притягательна необыкновенная сила ее, первобытная мощь, как бы хранившая на себе отпечаток недавно еще совершенного дела Творца, независимость и простор свободы — все те качества, которые она ощущала в себе и ценила. Впоследствии, когда Татьяна оказалась в Москве, та показалась ей золотом сверкающей темницей, насеквоздь пропитанной отравой ложных идеалов, опутанной и скованной ими, точно цепями.

В 1920 году завершилась на территории Сибири гражданская война и началась война властей против народа, и вскоре вся Сибирь с ее обширными пространствами стала местом заключения и ссылок. В это время благочестивая девица и ревностная христианка Татьяна поставила себе за правило почти все зарабатываемые ею средства, а также то, что удавалось собрать в храмах города Томска, менять на продукты и вещи и передавать заключенным в томскую тюрьму. Приходя в тюрьму, она спрашивала у администрации, кто из заключенных не получает продуктовых передач, — и тем передавала.

В 1923 году Татьяна повезла передачи нуждающимся заключенным в тюрьму в город Иркутск. Здесь ее арестовали, предъявив обвинение в контрреволюционной деятельности, заключавшейся в благотворительности узникам. Здесь ей впервые самой пришлось познакомиться с тяжкой неволей, услышать в своей душе ту сложную гамму переживаний, когда вчера еще вольный человек сразу становится ограниченным почти во всех своих действиях. Это переживание было сродни смерти, когда сплененная душа также лишена свободы и, скованная силой внешней власти, уже не может заявить себя. Но она по-прежнему может любить, и в страдании эта любовь становится еще сильнее. Татьяне было всего двадцать лет, когда она оказалась в плена стен тюремных, решеток железных, но она переживала свою неволю с задором молодости, у которой еще много сил, чтобы легко смотреть на все невзгоды. Но тюрьма недолго удерживала праведную девицу — через четыре месяца она была освобождена и сразу же вернулась к делу оказания помощи заключенным.

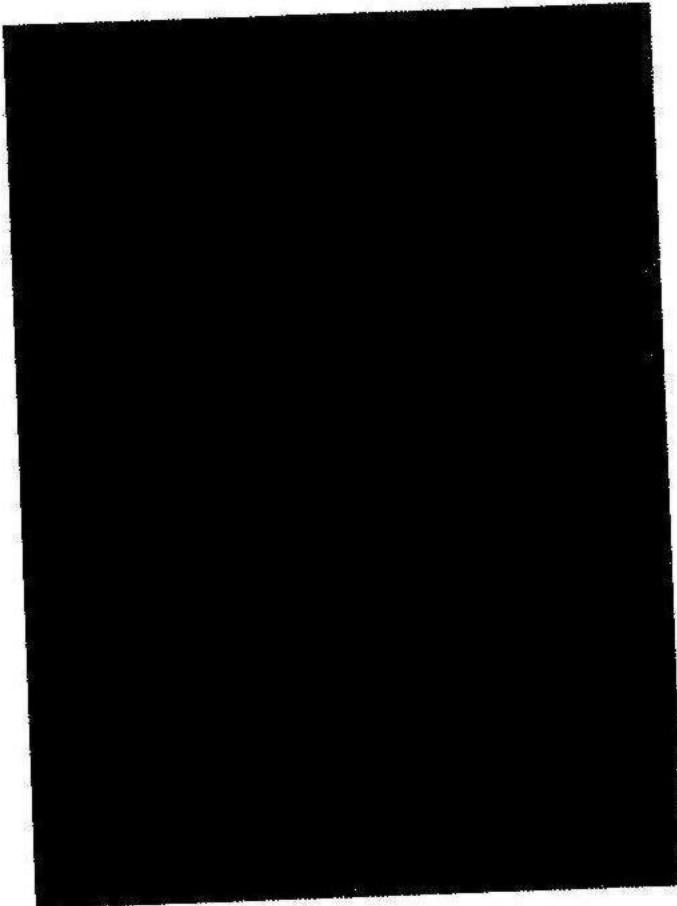
В 1925 году ОГПУ снова арестовало Татьяну за помощь заключенным; на этот раз ее освободили через семь дней. Освободившись, она по-прежнему продолжала помогать узникам. К этому времени она познакомилась со многими выдающимися архиереями и священниками Русской Православной Церкви, томившимися в тюрьмах Сибири.

Активная благотворительная деятельность Татьяны все более привлекала внимание сотрудников ОГПУ и все более раздражала безбожников. Они стали собирать сведения для ее ареста, которые в конце концов свелись

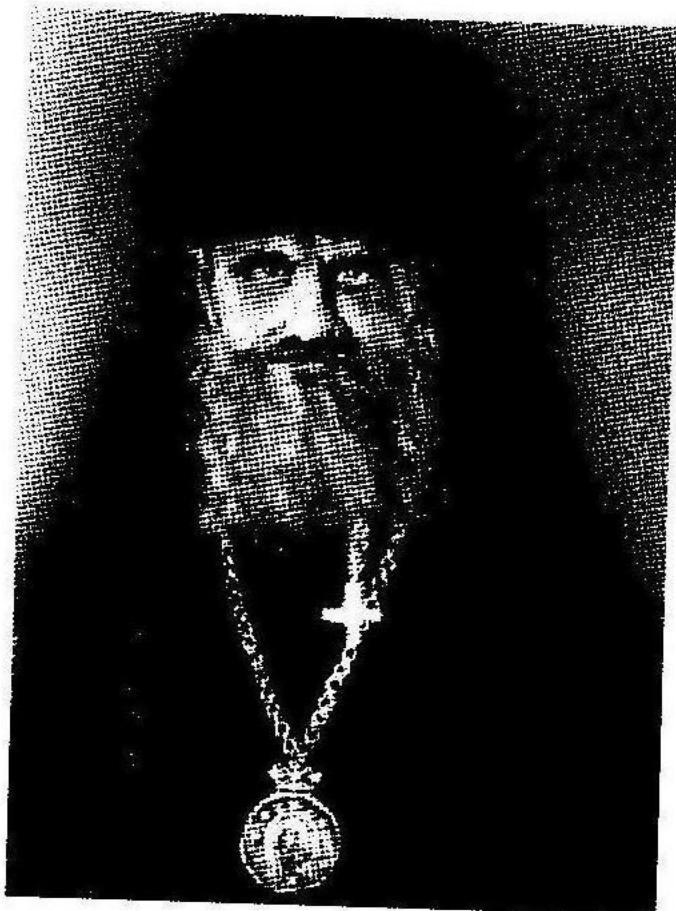
к следующей характеристике подвижницы, ставшей со временем всероссийской благотворительницей находящимся в узах: "Татьяна Николаевна Гримблит имеет связь с контрреволюционным элементом духовенства, которое находится в Нарымском крае, в Архангельске, в Томской и Иркутской тюрьмах. Производит сборы и пересыпает частью по почте, большинство с оказией. Гримблит во всех тихоновских приходах имеет своих близких знакомых, через которых и производятся сборы".

6 мая 1925 года начальник секретного отделения ОГПУ допросил девушку о том, помогала ли она сосланному духовенству и кому именно, а также через кого она пересыпала посылки в другие города, на что та ответила:

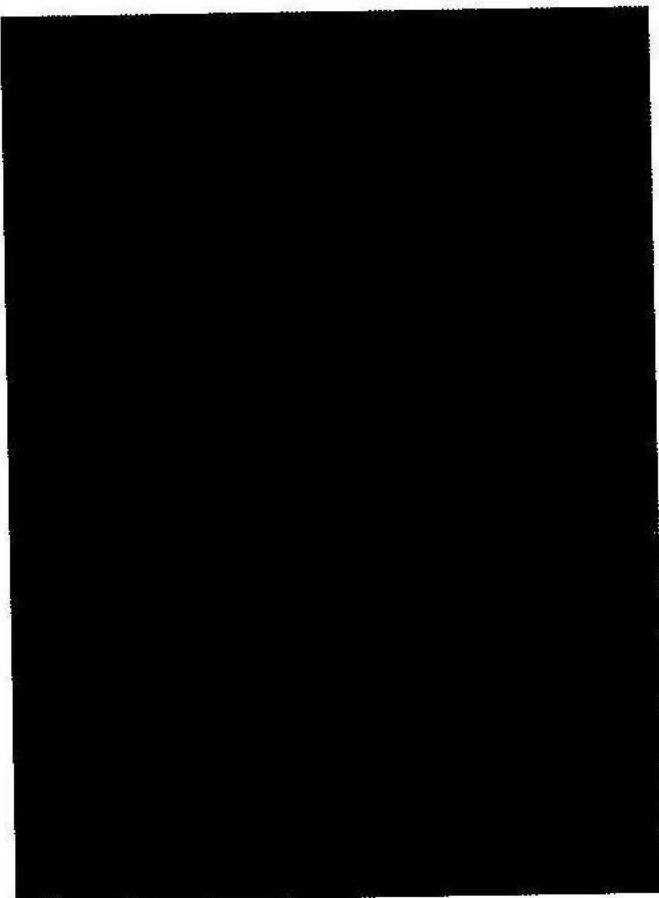
— С 1920 года я оказывала материальную помощь ссыльному духовенству и вообще ссыльным, находящимся в Александровском централе, Иркутской тюрьме и Томской и в Нарымском крае. Средства мной собирались по церквям и городу, как в денежной форме, так и вещами и продуктами. Деньги и вещи посыпались мной по почте и с попутчиками, то есть с оказией. С попутчиком отправляла в Нарымскую ссылку посылку весом около двух пудов на имя епископа Варсонофия (Вихвелина). Фамилию попутчика я не знаю. Перед Рождеством мною еще была послана посылка на то же имя, фамилию попутчика тоже не знаю. В Александровском централе я оказывала помощь священникам, в иркутской тюрьме епископу Виктору (Богоявленскому), в Нарымской ссылке священникам Попову и Копылову, епископам Евфимию (Лалину), Антонию (Быстрову), Иоанникою (Сперанско-му), Агафангелу (Преображенскому) и заклю-

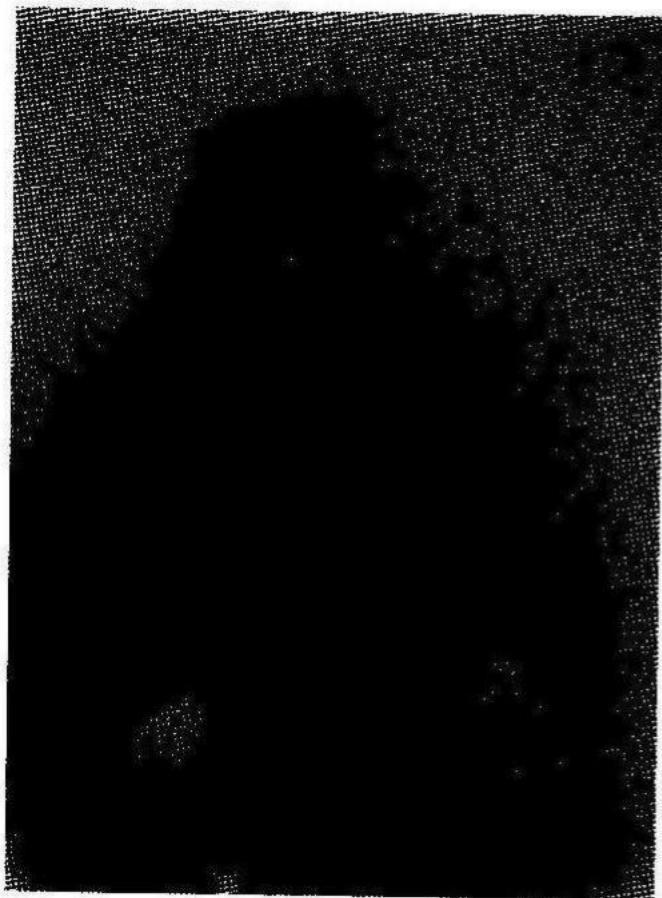
Епископ Варсонофий (Вихвелин)

Епископ Виктор (Богоявленский)

Епископ Евфимий (Лапин)

Епископ Антоний (Быстров)

Архиепископ Агафангел (Преображенский)

ченному духовенству, находящемуся в томских домах заключения, и мирянам.

— Обращались ли вы к духовенству с просьбой оказать содействие по сбору средств на заключенных и ссыльных? — спросил следователь.

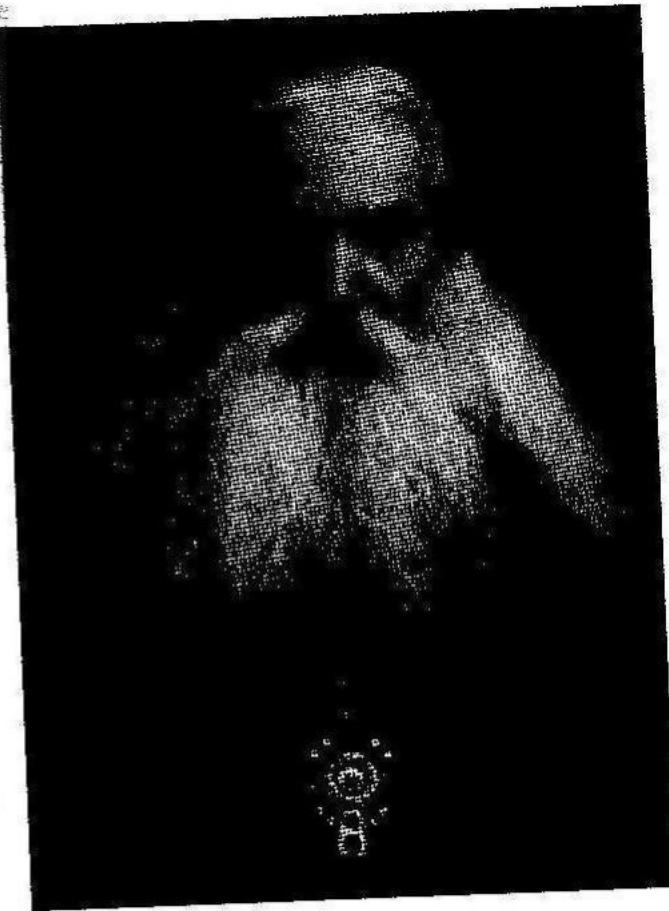
— Да, обращалась, но получала с их стороны отказ, — ответила Татьяна, не желая впутываться в это дело никого из священников.

— Кого вы знаете из лиц, производивших помимо вас сборы на заключенных и ссыльных?

— Лиц, производивших помимо меня сборы, не знаю.

На следующий день ОГПУ выписало ордер на арест Татьяны, и она была заключена в Томское ОГПУ.

18 мая следствие было закончено и ОГПУ постановило: "Принимая во внимание, что дознанием не представляется возможность добыть необходимые материалы для гласного суда, но виновность... все же установлена... дознание считать законченным и... таковое направить в Особое Совещание при Коллегии ОГПУ для применения... внесудебного наказания — административной ссылки". Помощница находящимся в узах вместе с другими арестованными священниками рассматривалась безбожниками как "вдохновительница тихоновского движения в губернии. С удалением их из губернии значительно поколеблются устои тихоновской организации". Документы дела были препровождены в ОГПУ в Москву, и 26 марта 1926 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ постановило выслать Татьяну Николаевну в Зырянский край на три года. 1 июля 1926 года она этапом была доставлена в Усть-Сысольск.

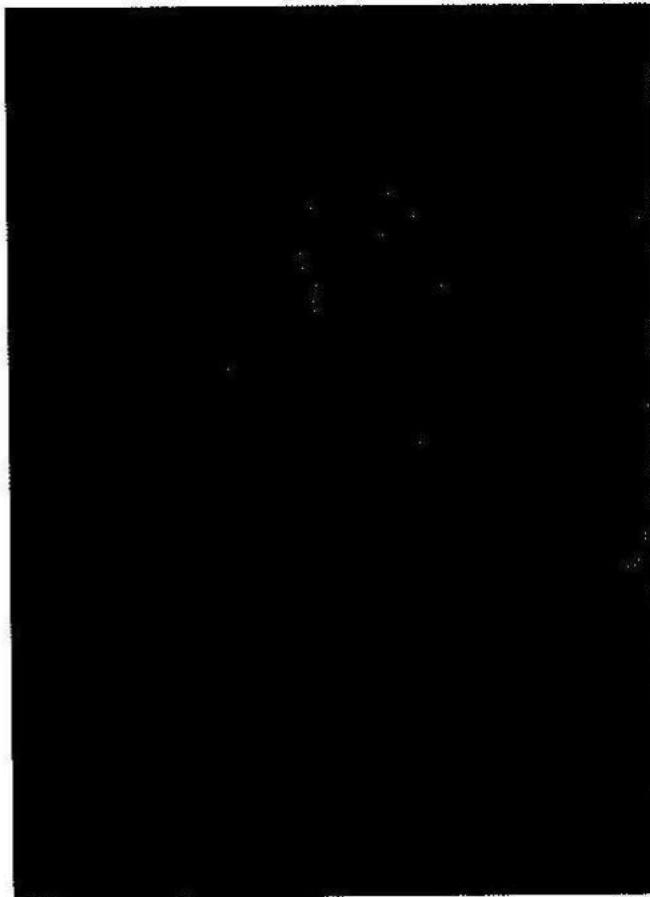

Архимандрит Гавриил (Игошкин)

15 июля 1927 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ постановило выслать Татьяну Николаевну этапом через всю страну в Казахстан на оставшийся срок. 15 декабря она прибыла в Туркестан. 19 декабря 1927 года Особое Совещание постановило освободить ее, предоставив ей право жить, где пожелает. О том, что она освобождена, сотрудники ОГПУ в Туркестане сообщили ей только 10 марта 1928 года, и 16 марта Татьяна Николаевна выехала в Москву. Она поселилась неподалеку от храма святителя Николая в Пыжах, в котором служил хорошо ей знакомый по заключению выдающийся пастырь, архимандрит Гавриил (Игошкин). Татьяна стала постоянной прихожанкой храма Николы в Пыжах и пела здесь на клиросе. Вернувшись из заключения, она стала еще активней помогать ссыльным и заключенным. Постоянными ее корреспондентами были священнослужители, находящиеся в ссылке в Архангельске, среди них епископ Парфений (Брянских).

Посещения заключенных и помочь им стали формой ее служения Христу. По выражению многих святителей, украшенных впоследствии мученическим венцом, она стала для них новым Филаретом Милостивым. В самоотверженном подвиге милосердия и помощи, безотказности и широте этой помощи ей не было равных. В ее сердце, вместившем Христа, никому уже не было тесно. Ее просветленная и чистая душа стала украшением церковным и утешением для многих.

В начале тридцатых годов поднялась очередная волна безбожных гонений на Русскую Православную Церковь, когда были арестованы несколько десятков тысяч священнослужителей и мирян. Сотни их были арестованы

Епископ Парфений (Брянских).
Тюремная фотография

в Москве, и среди них 14 апреля 1931 года была арестована Татьяна. Через несколько дней следователь допросил ее. На его вопросы она ответила, что действительно помогала ссыльным и заключенным.

30 апреля 1931 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило Татьяну Гримблит к трем годам заключения в концлагере, и она была отправлена в Вишерский исправительно-трудовой лагерь в Пермской области. В лагере она изучила начала медицины и стала работать фельдшером, что как нельзя лучше соответствовало выбранному ею пути — беззаботному служению ближним: здесь она помогала многим выдающимся исповедникам Русской Православной Церкви и некоторых спасла от смерти.

В 1932 году она была выпущена на волю с запретом жить в двенадцати городах на оставшийся срок. Местом жительства она избрала город Юрьев-Польский Владимирской области. После окончания срока в 1933 году, Татьяна поселилась в городе Александрове Владимирской области и устроилась работать фельдшером в больнице. В 1936 году она переехала в село Константиново Московской области и стала работать лаборанткой в Константиновской районной больнице.

Работая в больнице, и зачастую много больше, чем ей полагалось в соответствии с ее обязанностями, она почти все свои средства, а также и те, что ей жертвовали верующие люди, отдавала находящемуся в заключении духовенству и православным мирянам, со всеми ними ведя активную переписку. В ее деятельности как всесострадающей помощнице всем находящимся в узах была ощутима не только материальная поддержка, но еще

Обожествленная миссией,
И чистое любви пылание,
Для тех кто и добры и чест,
Что пытка не страшна провал,
И хро в предчувствиях рождал,
Противно горюк находил,
Что верно викич улас,
Но, в сок будят на судьи.
Раненки а кудесники дарят
Мы знаем в свою руки берег,
Хотим для всех фанфру
И чисто чисто вин и сокол.
Но замеч в ходили изгражда
Ясока насыщает сердца,
Зажигают же уши на углах,
Очна потери до конца.

Автограф стихотворения мученицы Татианы

больше духовная — в письмах, которые она им посыпала. Для некоторых она иногда оказывалась единственным корреспондентом и помощником.

Епископ Рыльский, викарий Курской епархии Иоанн (Пашин) писал ей из лагеря: "Родная, дорогая Татьяна Николаевна! Письмо Ваше получил и не знаю, как Вас благодарить за него. Оно дышит такой теплотой, любовью и бодростью, что день, когда я получил его, — был для меня один из счастливых, и я прочитал его раза три подряд, а затем еще друзьям прочитывал: владыке Николаю (Могилевскому — И. Д.) и отцу Сергию — своему духовному отцу. Да! Доброе у Вас сердце, счастливы Вы, и за это благодарите Господа: это не от нас — Божий дар. Вы — по милости Божией — поняли, что высшее счастье здесь — на земле — это любить людей и помогать им. И Вы — слабенькая, бедненькая — с Божьей помощью, как солнышко, своей добротой согреваете обездоленных и помогаете как можете. Вспоминаются слова Божии, сказанные устами святого апостола Павла: "Сила Моя в немощи совершается". Дай Господи Вам силы и здоровья много-много лет идти этим путем и в смирении о имени Господнем творить добро. Трогательна и Ваша повесть о болезни¹ и дальнейших похождениях. Как премудро и милосердно устроил Господь, что Вы, перенеся тяжелую болезнь², изучили медицину и теперь, работая на поприще лечения больных, страждущих, одновременно и маленькие средства будете зарабатывать,

необходимые для жизни своей и помощи другим, и этой своей святой работой сколько слез утреете, сколько страданий облегчите... Работаете в лаборатории, в аптеке? Прекрасно. Вспоминайте святого великомуученика Пантелеимона Целителя и его коробочку с лекарствами в руках (как на образах изображают) и о имени Господнем работайте, трудитесь во славу Божию. Всякое лекарство, рассыпаемое по порошкам, разливаемое по склянкам, да будет ограждено знамением Святого Креста. Слава Господу Богу!"

"Добрая и глубокоуважаемая Татьяна Николаевна! — писал ей епископ Иоанн. — Письмо Ваше второе... я получил и приношу за него искреннюю благодарность. Много оно меня утешило и заставило все чаще вспоминать Вашу светлую личность. Вспоминая Вас — кажется не такой унылой наша жизнь, забываясь невзгоды, легче переносишь неприятности. Просьба покорная и о валенках: если можно, поспешите с их высылкой. Холода близко. Простите. Будьте здоровы и радостны".

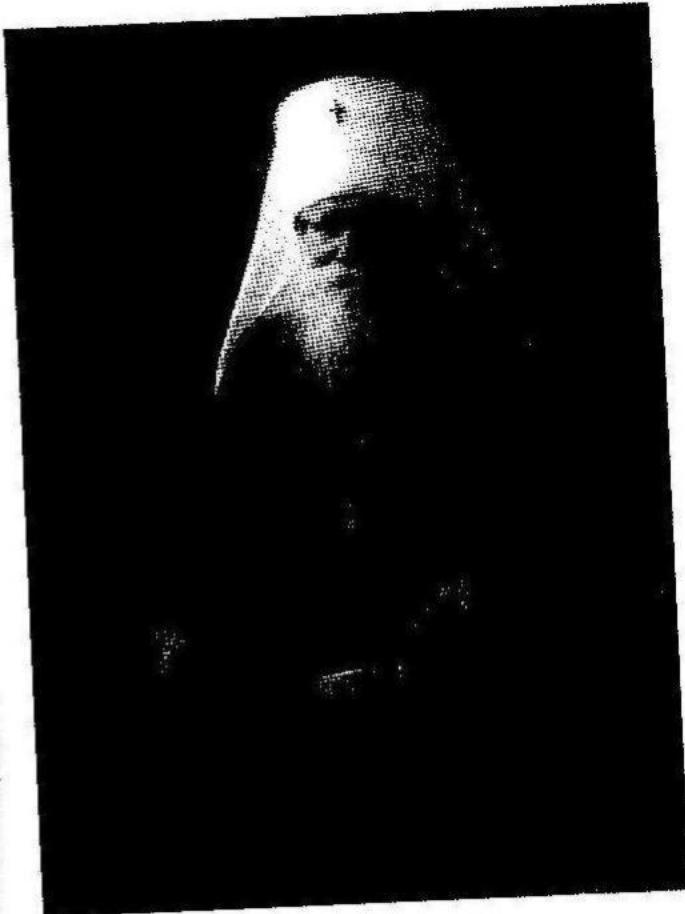
"Дорогая Татьяна Николаевна, будьте здоровы и Господом Богом хранимы! — писал ей в июле 1936 года из Нарымской ссылки священник Рафаил Дубровин. — К Великому Светлому Празднику Вы первая меня письменно приветствовали и прислали духовное утешение. После Пасхи уже вторую карточку получил и телесное подкрепление (извещение на 15 рублей). От детей (и только от сына и дочери) к Пасхе небольшое пособие денежное (в 2 рубля) и ни строчки до сего времени. Мне по-человечески обидно и тяжело! Но да будет воля Его. Как мне благодарить и возблагодарить за Ваше сердечное отношение ко мне, недостойному? Как мне прославить Христа,

¹ Имеется в виду арест — на условном языке переписки тех лет.

² Имеется в виду пребывание в заключении.

Священник Иоанн (Пашин),
впоследствии епископ Рыльский

Митрополит Николай (Могилевский)

Кем и через Кого Вы исполнены любовью к ближнему? Вы, не зная меня, возлюбили, по завету Его, меня многогрешного. Он Один воздаст Вам за все. От родных, кровных, близких ко мне, детей и друзей, я не получал того, что незаслуженно получаю от Вас. Любовь Ваша не падает, а устремляется вперед... Бог воздаст Вам. Не скрою от Вас, что поддержка Ваша (15 рублей) в настоящее время очень и очень дорога и вовремя. Апрель, май и июнь ни заработка и ни поддержки ниоткуда. К Пасхе поддержка от Вас, сына и дочери уже иссякли. Теперь могу покупать хлеб и им питаться. Слава и хвала Ему за все! Великая Его забота о нас многогрешных. На днях напишу в Томск и не утерплю помянуть о Вас, втором русском Филарете. Простите за все, дорогая Татьяна Николаевна".

"Достопочтенная о Господе, дорогая и родная сестра Татьяна Николаевна!.. — писал ей отец Рафаил в 1937 году. — Как и чем возблагодарить Вас, родная, за Ваши обо мне память и заботы! Христос, Коим и через Коего Вы не только возлюбили ближних, но и имеете возможность проявить ее делами, и в день Суда поставит по правую сторону за то, что служили Ему в лице ближних. Вы просите меня, многогрешного, молиться о Вас (это долг мой) — дела Ваши молятся о Вас... Помолитесь обо мне, грешном. Ведь многие годы я почти беспрерывно стоял пред престолом, многогрешный, и дерзновенно совершаю богослужения. Плачет и сетует душа моя. Сохрани Вас Господь и любовь Вашу к нам, многогрешным. Напишите, что знаете о жизни нашей Православной Церкви во дни испытаний. Где святитель Петр Крутицкий? Как подвизается Блаженный Сергий?.. Я ведь уже почти десять

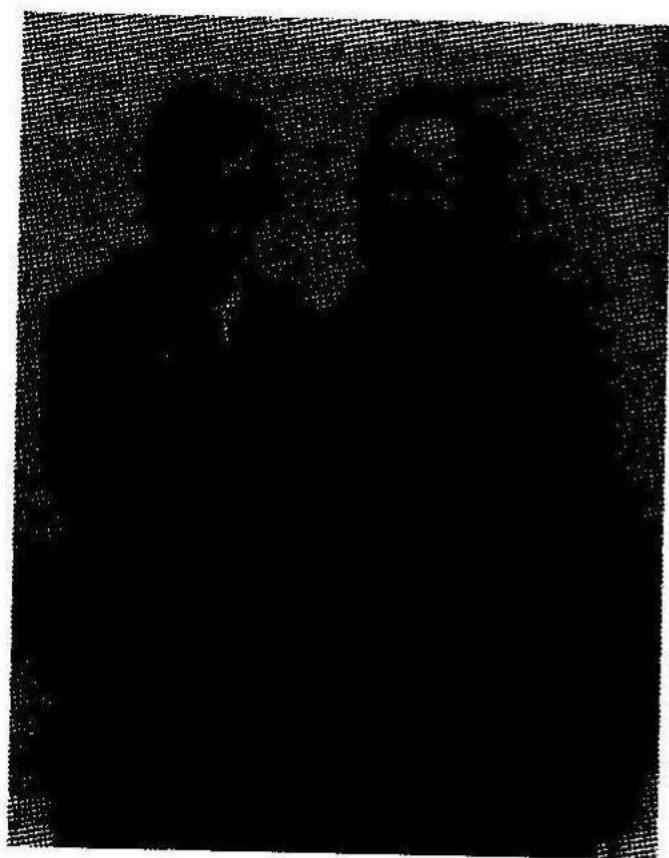
лет оторван от мира. Я слышал, что с 37-го года о митрополите Петре уже не вспоминается как заместителе Патриарха. Вы беспокоитесь о моем житье-бытье: как и чем питаюсь, во что одеваюсь и обуваюсь. Хранит Господь и птичку, и травку, и меня не забывает. Родные-кровные мои забыли меня (может быть не по своей вине), но Господь в лице Вас и подобных Вам не забывает меня, многогрешного и ленивого раба Своего... Спешу сердечно поблагодарить Вас за Ваше письмо. Я несколько раз прочел его, и опять хочется. Вы меньше прожили, но пережили, очевидно, много больше. Помоги Вам Матерь Божия до конца дней своих мужественно и твердо донести крест свой... Радуюсь за Вас и благодарю Его, Отца, любящего нас. Пишите почаше мне. Присные мне мало пишут. Причина их молчания мне понятна. Не все обладают смелостью и преданностью воле Его. Прощаю им, как и Христос учит нас примером Своим... Житейское море бушует, корабль тонет, видны одни верхушки мачт, но Небесный Кормчий приведет его и нас к тихому пристанищу. Родная, Вы радовались узам, ждали их с нетерпением и радовались, перенося их. Попирались Вами все препятствия, забывались даже кровные близкие. Не без труда и болезни, но зато всецело с Ним, с Его помощью и любовью. Что о себе скажу? Изнемогаю! Десятый год, последний год срока, особенно тяжел. Несмотря на долгие годы терпения и испытаний, я оказывается еще очень крепко привязан к земной жизни, тесно связан узами родства, для меня все еще мало прожито на земле. Святой апостол, великий учитель Павел, горел желанием умереть и жить со Христом и примирялся оставаться на земле, если его

жизнь нужна для спасения близких. Не скрою от Вас, у меня сейчас страшная жажда увидеть своих и дорогие места родные. Помоги мне, святой Иоанн Златоуст, вместе с тобою взвывать: "Слава Богу за всё", "везде Господня земля". Помолитесь и Вы, родная, обо мне, чтобы я успокоился и подчинился Его воле. Как Он хочет: Он силен допустить меня до родных и близких и лишить меня сего за дела мои. 26 января по старому стилю 1938 года кончается срок моего наказания, хотя и остается пятилетнее поражение в правах..."

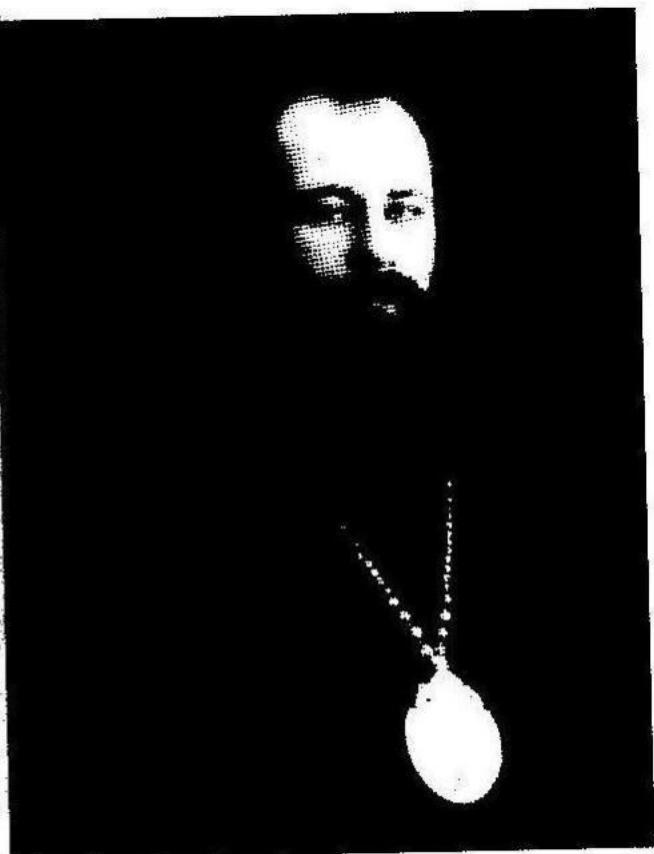
"Воистину воскресе! — писал в 1934 году из Бамлага архимандрит Иосиф (Ливанов). — Многоуважаемая Татьяна Николаевна! Дорогую для меня открытку от Вас получил 24 мая. Большое спасибо за память и заботы. 6 февраля исполняется два года моего заключения, а еще около трех лет остается; как это пройдет время, не знаю. Работаю в артели путеармейцев. Ремонтируем железнодорожный путь. Года мои не молоды... Для меня эта работа тяжелая... Питаюсь скучновато... пища однообразная... белого хлеба не видим... Здоровье мое старицкое... Поддержки духовной нет, только в письмах можно получить радостное, а письма получаю очень редко. Сапоги изнашиваются, а казенных не дают, только лапти. Многие ходят в изорванной одежде. Хорошо бы получить кожаные рукавицы и фуражку... Жду от вас вестей. Желаю здоровья и благополучия".

Поддерживала Татьяна переписку и с епископом Бирским, викарием Уфимской епархии Вениамином (Троицким), с которым она познакомилась в Вишерском лагере. "Родная моя Татьяна Николаевна! — писал он ей. — Какую же радость принесла мне Ваша

открытка! Я совсем потерял Вас, а так часто и сильно хотелось знать о Вашем житье-бытье. Слава Богу за то, что Вы живы и здоровы и свободны! Всегда поминаю Вас в своих убогих молитвах и с глубокой благодарностью прошу Господа даровать Вам все полезное и утешительное. Спаси же и помилуй Вас, Господи! Хочется знать подробнее о Вашей жизни. Надеюсь, что теперь мы не потеряем один другого из вида и будем писать, а Господь приведет, и увидимся опять. Много, много всего накопилось за это время. Масса событий проходит таким ускоренным темпом, что кажешься себе глубоким стариком. Живу "на минусе" в маленьком захолустном Мелекессе. Срок мой кончается 8 декабря 1940 года. Хожу раз в месяц 3-го числа на отметку в НКВД. Снимаю отдельную квартирку на окраине города, в поселке. Плачу 35 рублей в месяц со своими дровами. Уфимцы помогают. Материально живу, слава Богу, хорошо. Нужды особой ни в чем не имею, да жизнь уже приучила к большой скромности, так что многого и не желаю. Духовно одинок. Храмы закрыты. Есть один молитвенный дом, но туда не тянет... от тех безобразий, что там творятся... Утешаюсь совершением служб на дому, по примеру святителя Феофана Затворника. Здоровье мое восстановилось. Правда, к перемене погоды ощущаю некую неловкость в правом боку, но по милости Божией более не хворал и чувствую себя достаточно бодро. Сердце лишь плохо, но к этому я привык давно и на одышку и прочие "пороки" не обращаю внимания — все равно не излечишь... На днях Господь мне послал скорбь: забрали второй раз одного очень хорошего человека, который лишь три месяца тому

Иеромонах, впоследствии архимандрит
Иосиф (Ливанов) с братом Иваном.
Омск, 1906 год

Епископ Вениамин (Троицкий)

назад вернулся из Беломорских лагерей после шестилетнего там пребывания. Очень прошу, помолитесь о нем. Имя его — иеромонах Неофит... Жду от Вас подробного письма. Простите. Господь да хранит и помилует Вас! С искренней любовью и глубокой благодарностью Ваш недостойный богомолец, епископ Вениамин".

В другом письме владыка Вениамин писал Татьяне: "Простите меня за то, что дерзаю беспокоить Вас. Зная Вашу бескорыстную доброту и человеколюбие, я так смело нагружаю Вас просьбой, и без того имеющую много работы и забот. Да благословит же Господь путь Ваш и исполнит во благое желание сердца Вашего. Я имею мысль встретиться с Вами и беседовать о многом "уста ко устам". Многое хотелось бы поведать Вам — чуткой и милой. Молитесь и Вы о мне, присно Вас поминающем и глубоко Вам благодарном. Ваше имя поминается всеми моими духовными детьми — имя той, которая своими героическими подвигами заставила смерть отступить от изголовья моей постели в 32-м году! Мне очень хотелось бы иметь Вашу фотографию, нет ли у Вас лишней? Пришлите! А я постараюсь переслать Вам свою. Сообщите, где находится и как живет преосвященный Пахомий (Кедров). Один из его почитателей живет в Мелекессе и очень желает знать о нем..."

Не забывала Татьяна и настоятеля храма святителя Николая в Пыжах, где она когда-то пела, архимандрита Гавриила (Игошкина). Узнав о месте его нахождения, Татьяна отправила ему письмо, и в ответ он 7 апреля 1937 года написал ей из котласской пересыльной тюрьмы: "Глубокоуважаемая Татьяна Николаевна! 5 апреля получил от Вас письмо и

прочел его с удовольствием, — для меня оно дорого. Прежде всего благодарю Вас за память: от Вас я не думал и не ожидал так скоро получить. Вы живете далеко и редко бываете в городе и, кроме того, заняты делом, и несмотря на эти препятствия, Вы прежде всех поспешили со своим добрым словом. Сердечно благодарю Вас, дорогая Татьяна Николаевна! И, низкайше кланяясь, усердно прошу Ваших святых молитв. Благодарю Вас и за предложение услуг, но они пока преждевременны, до Вашего отпуска еще далеко, тем временем и мое положение выяснится, а там видно будет... Наша отправка состоится не раньше как через месяц. Если возможно, приведите сухарей и сливочного масла, их здесь мне трудно достать, только с посылкой не медлите. Будете в городе, передайте всем мой привет и скажите им, чтобы писали письма, посылки получаю, писем нет. Вот уже скоро будет шесть месяцев, как ни о ком ничего не знаю, живы ли, здоровы ли, — пусть пишут. Для меня это будет одно только удовольствие. Благословение Господне на Вас! Будьте здоровы, да хранит Вас Господь от всякого зла".

Архимандрит Гавриил был отправлен в сельскохозяйственную колонию Кылтово Усть-Куломского района, откуда он написал: "Благословение Господне на Вас! Глубокоуважаемая Татьяна Николаевна! В день Святой Троицы 20 июня получил Ваше письмо. Благодарю Вас, письмо Ваше доставило мне много радости и удовольствия, усугубило мое праздничное, радостное воспоминание. С полным удовольствием отвечу на Ваши вопросы, только ответ получите не к началу июля, а к середине, так как письма идут от меня к Вам и от Вас ко мне приблизительно от 20 до 25 дней.

Свой отпуск используйте так, как надумали, с Богом поезжайте; будете там, вспомните и меня, там устраивайтесь по складывающимся обстоятельствам, только временно, со своего постоянного места совсем не уходите. Что касается второго Вашего вопроса, то его разрешить не так просто и легко. Прежде всего сердечно Вас благодарю за предлагаемые услуги, до глубины души я тронут Вашим добросердечным, участливым ко мне отношением. Мне бы весьма приятно было бы иметь Вас около себя, но это вещь не осуществима по многим причинам; в настоящее время лагерная жизнь в некоторых своих частях изменилась от той, которую Вы знали и переживали. Сельхоз, в ведении которого я состою, хотя не огражден проволокой, но свидания с приезжими близкими бывают по особому разрешению и только на время; в нем большой лазарет со многими специальными отделениями — это бывший женский монастырь, превращенный в лечебный пункт и сельхоз, здесь преимущественно находятся лагерники инвалиды и с 3-й категорией, способные только к легкому труду; они находятся временно как бы на отдыхе и излечении; я хотя состою в ведении этого сельхоза, но живу на командировке в девяти километрах от него, в лесу; работаем по силе, здесь все инвалиды и больные... Мне, как больному, очень приятно было бы иметь Вас около себя и пользоваться Вашими услугами, но теперь на одном месте долго не приходится жить. Так допустим, Вы собираетесь ко мне приехать, а меня назначат на этап куда-нибудь в другое место. И так мы можем даже не встретиться с Вами в предполагаемом месте. Так лучше вы уже живите на месте и

Храм святителя Николая в Пыжах,
г. Москва

помогайте чем можете... Всем кланяюсь и усердно прошу святых молитв. Вспомните, что молитва верующих верховному апостолу Петру оказала великую услугу, и я надеюсь на Ваши святые молитвы, только молитесь прилежно и с постом".

"Дорогая Тася! — писал Татьяне из ссылки архиепископ Пахомий (Кедров). — Долго нет от Вас весточки, здоровы ли, благополучны ли Вы? А я все еще пока в Каргополе... Летом вырастил себе немного овощей, набрал осенью грибов и ягод — пока пробавляюсь ими, расходуя сравнительно немного на хлеб и разные мелочи из посылаемых кое-кем... денег и стараясь врачевать свои душевые и телесные немощи, коим нет числа.

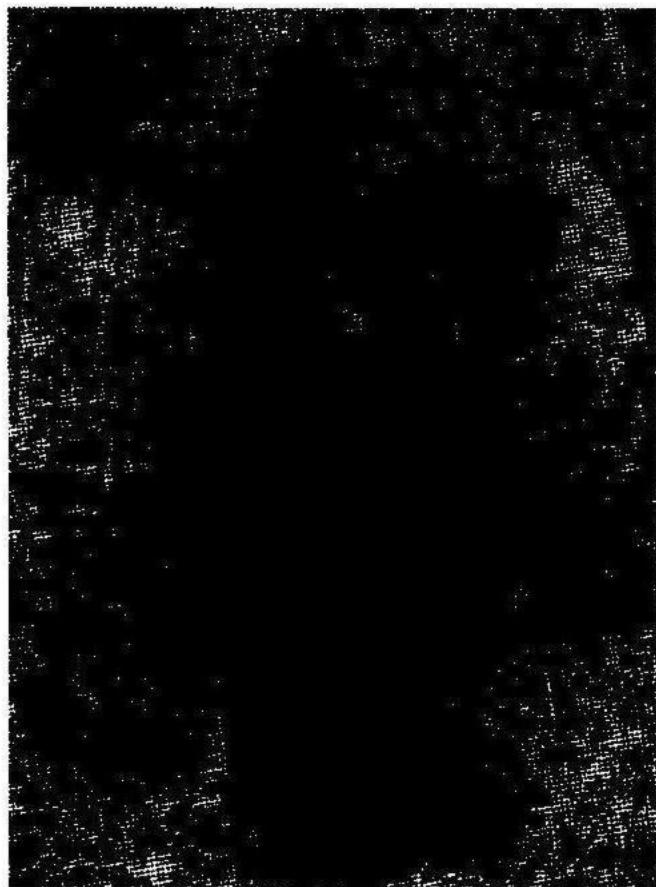
Исполняется 10-летний юбилей нашей жизни вблизи Усть-Кулома... Помолитесь о преданном Вам с любовью, убогом молитвеннике Вашем, недостойном архиепископе Пахомии".

"Дорогая Тася! — писал он Татьяне 29 июня 1937 года. — Сердечно благодарю Вас за Вашу открыточку... Наверное, Вы теперь путешествуете и получите эту мою открытку лишь по возвращении. Лето у нас стоит пока благоприятное — бывают и дожди, и тепло наступило настоящее, летнее. Вот что пишет епископ Феофан Затворник старушке: «Что храма будете лишены, когда обезножите, — ничего Бог везде есть. Тогда поневоле навыкнете быть с Богом мыслью и сердцем. И когда навыкнете, то это с полною удовлетворительностию заменит для Вас храм». «С Господом Спасителем нужно вести непрестанную беседу»".

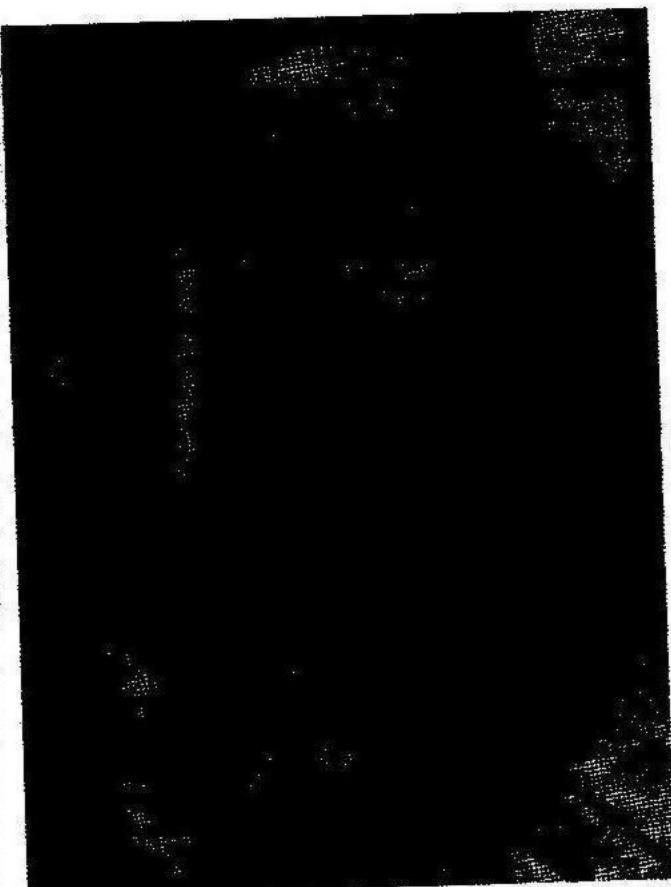
Архиепископ Аверкий (Кедров), находившийся в ссылке в городе Бирске в Башкирии,

писал Татьяне: "Христос воскресе! Дорогая и глубокочтимая Сестрица. Снова по милости Божией мы приближаемся к светлым и благодатным дням Христовой Пасхи... Снова скоро всколыхнется верующее сердце под живым наплывом радостных святых чувств, высоких мыслей и созерцаний, светлых упований и чаяний... Все это так осмысливает жизнь, утешает и согревает нашу бедную душу, влающуюся и скитающуюся среди холодных бурных волн северо-ледовитого жителейского океана. Холодно в нем, — можно совсем окоченеть, если внутри не теплится огонек веры..."

Получил Ваше большое закрытое письмо, а вслед за ним и открытку... За то и другое приношу Вам свою сердечную благодарность. Слава Богу — они по-прежнему полны бодрости и света, крепкой веры и твердого упования на промыслительную десницу Всевышнего. Слава Богу! Да никогда не иссякнет и не умалится в душе Вашей этот живоносный источник, который так облегчает здесь, на земле восприятие жизненных невзгод, несчастий, ударов, неудач и разочарований. Не длинен еще пройденный путь Вашей благословенной от Господа жизни, а между тем сколько бурь пронеслось над Вашей главой. И не только над головой: как острое оружие они прошли и через Ваше сердце. Но не поколебали его, не сдвинули его с краеугольного камня — скалы, на котором оно покойится, — я разумею Христа Спасителя. Не погасили эти штормы в Вашем милом сердце ярко горящий и пламенеющий огонь веры святой. Слава Богу — радуюсь сему и преклоняюсь пред Вашим этим подвигом непоколебимой преданности Творцу, пред теми болезненными скорбями, испытаниями, страданиями нравственными,

Архиепископ Пахомий (Кедров)

Архиепископ Аверкий (Кедров)

ными, через которые лежал Ваш путь к этой победе в Вашей душе Христа над Велиаром, неба над землей, света над тьмой. Спаси Вас Христос и сохрани, помоги Вам и впредь неустрашимо и непоколебимо стоять на божественной страже своего святого святых..."

"Глубокоуважаемая и дорогая Сестрица! — писал Татьяне владыка Аверкий. — Приближается великий и светоносный праздник — зеленые святки — день Святой Троицы. "Пятидесятницу празднуем и Духа пришествие" — поет в эти дни Святая Церковь. От души и молитвенно желаю Вам: Святый Дух, от Спасителя и Церкви именуемый Утешителем, — да пребудет всегда с Вами, изливая в Вашу твердую в вере душу, в Ваше страждущее и чуткое к чужим страданиям сердце — свою спасительную всемогущую силу, свои благодатные утешения, укрепляя Ваши силы душевные, вкупе и телесные, отгоняя от лица вашего болезни и напасти, сохранив по-прежнему стойкую, мужеумную, бодрую, радостную на многие лета!..

Горячо благодарю Вас за Ваше прекрасное, воодушевленное письмо... оно возвышенно и поучительно и может поспорить за первенство с лучшими страницами из дневника отца Иоанна Кронштадтского. Под этим письмом с радостью поставили бы свои подписи великое множество преподобных и праведных жен и мужей, мучениц и мучеников. Да пребудет с Вами навсегда эта благодать Святого Духа, так гармонично и сладкогласно настроившая струны чистой и прекрасной Вашей души... Спаси Вас Господь и сохрани с этим небесным сокровищем — от ныне и до века... великое Вам спасибо за заботы и обо мне и особо о братце, которого не покидают разные недуги...

Лично я живу по-прежнему, потихоньку и маленьку. Никаких изменений пока нет. Но же на случай отъезда, может быть уже и далекого, купил на барараке чемодан и пакет из фанеры. Доселе роль чемоданов и пакетов исполняли мешки. Простите. Спаси Господи и сохрани. Будьте здоровы и счастливы и Богом хранимы!"

"Глубокочтимая и дорогая Сестрица! — писал Татьяне владыка Аверкий. — Сердечно приветствую Вас со святыми днями — прошедшими и наступающими. Непобедимая и непостижимая, и божественная сила честного и животворящего Креста Господня да пребывает всегда с Вами и над Вами, охраняя Вас от всякой скорби и печали, отгоняя злобу и наветы злых духов и злых человек и соблюдая всегда в Вашем милом сердце тишину, мир и неизменное светлое настроение... Получил Ваше письмо, прекрасное письмо, такое духовное и одухотворенное. Спаси Вас Господи. Трогательно и утешительно было читать и перечитывать его... Как будто родная весточка из золотого века церковной письменности... Укрепи Вас Господи в сем духе и в сем святом настроении. Господь Вас не оставит и поможет Вам. Умиленно благославляю и тех, неведомых мне благодетелей, о которых поминаете в письме, святая жертва и любовь которых так утешила и усладила недавно и моего братца и меня — убогого... Братец сначала не знал сего, по смирению побоялся, нет ли тут недоразумения. Побоялся даже распечатывать. А потом возрадовался зело-зело... Очень прошу не забывать меня в своих святых молитвах. Храни Вас Господь".

Больше всего из земных мест после Томска и окружающих его сибирских рек и непроход-

ной тайги Татьяна Николаевна любила Дивеево, куда она приезжала часто и где служил ее духовный отец протоиерей Павел Перуанский. В одном из писем, написанном 5 сентября 1937 года архиепископу Аверкию (Кедрову), еще находившемуся в то время в ссылке в городе Бирске, беспокоясь о его судьбе, так как отовсюду стали приходить известия об арестах духовенства и мирян, она писала: "Дорогой мой Владыка Аверкий! Что-то давно мне нет от Вас весточки. Я была в отпуске полтора месяца. Ездила в Дивеево и Саров. Прекрасно провела там месяц. Дивно хорошо. Нет, в раю не слаще, потому что больше любить невозможно. Да благословит Бог тех людей, яркая красота души которых и теперь передо мной. Крепко полюбила я те места, и всегда меня туда тянет. Вот уже третий год подряд бываю там, с каждым разом все дольше. Навсегда бы я там осталась, да не было мне благословения на то. А на поездку во время отпуска все благословили.

Откликайтесь, солнышко милое. А то я беспокоюсь, не случилось ли с Вами чего недоброго. Напомните мне географию. Далеко ли Бирск от Уфы? Пишите мне, я уже крепко соскучилась о Вас, родной мой".

Вечером, 5 сентября 1937 года, когда Татьяна написала это письмо, она была арестована. Сотрудники НКВД пришли ее арестовывать в тот момент, когда она привычно для себя писала письмо священнику в ссылку, остановив ее на полуслове. Уходя в тюрьму от земных навсегда, она оставила записку подруге, чтобы та обо всем произшедшем уведомила ее мать. Сохрания даже в эти минуты мир и спокойствие, Татьяна писала: "Ольга родная, прости! Прибери все. Получи белье от Дуни.

Белье прибери в коробку, которая под кроватью. Постель и одежду зашей в мешки (мешка здесь два, но ты найди целые и чистые, в которых можно было бы все послать маме). Когда меня угонят отсюда, то только через десять дней пошли все маме, известив ее сначала о моем аресте письмом. Напиши письмо, а потом через пару дней шли вещи. Деньги на пересылку у тебя будут. Деньги после десяти дней вслед за вещами отправить маме, она мне переводить будет и пересыпать что надо. Ну, всех крепко целую. За все всех благодарю. Простите. Я знала, надев крест, тот, что на мне, — опять пойду. За Бога не только в тюрьму, хоть в могилу пойду с радостью".

Допрашивал Татьяну начальник Константиновского районного отделения НКВД Судаков.

— Обвиняемая Гримблит, при обыске у вас изъята переписка с указанием массы адресов. Какие вы имеете связи с указанными лицами и кто они по положению? — спросил он.

— Шесть человек, указанные в адресах, являются священнослужителями, и все они были в заключении и в этапах, а в данное время они находятся в заключении и в минусах. Связь у меня с ними есть лишь письмами. Остальные — адреса моих родственников, работающих в Москве и в Александрове.

После допроса Татьяны заместитель начальника Константиновского НКВД Смирницкий допросил в качестве свидетелей ее сослуживцев по Константиновской больнице — врача, медсестру и бухгалтеров.

Они показали: "Мне известно, что Гримблит посетила больного, лежащего в госпитале, к которому Гримблит не имела никакого отношения по медицинскому обслуживанию. В результате на другое утро больной расска-

зал врачу, что ему всю ночь снились монастыри, монахи, подвалы и так далее. Этот факт наводит меня на мысль, что Гrimблит вела с больными беседы на религиозные темы. На собрании сотрудников больницы по вопросу о подписке на вновь выпущенный заем Гrimблит ни за, ни против в прениях не выступала, но при голосовании за подписку на заем не голосовала".

"Гrimблит зимой 1937 года, сидя у тяжело больного в палате, в присутствии больных и медперсонала, после его смерти встала и демонстративно его перекрестила. В разговорах, сравнивая положение в тюрьмах царского строя с настоящим, Гrimблит говорила: "При советской власти можно встретить безобразных моментов не меньше, чем прежде". Отвечая на вопросы о том, почему она ведет скучную жизнь, Гrimблит говорила: "Вы тратите деньги на вино и кино, а я на помошь заключенным и церковь". На вопрос о носимом ею на шее кресте Гrimблит неоднократно отвечала: "За носимый мною на шее крест я отдам свою голову, и пока я жива, с меня его никто не снимет, а если кто попытается снять крест, то снимет его лишь с моей головой, так как он надет навечно". В 1936 году при обращении приехавшего одного из заключенных Дмитлага для ночевки Гrimблит при встрече с ним спросила, по какой статье он сидит, и, получив ответ, что он сидит по 58-й статье, с удовольствием уступила для ночлега свою комнату, заявив, что она для людей, сидящих по 58-й статье, всегда готова чем угодно помочь. У Гrimблит в период ее работы в больнице были случаи ухода с работы в церковь для совершения религиозных обрядов".

"Мне известно, что Гrimблит очень религиозный человек, ставившая религию выше всего. В день Преображения в разговоре со мной Гrimблит сказала: "Теперь стал не народ, а просто подобно скоту. Помню, как было раньше, когда я училась в гимназии. Сходишь в церковь, отдохнешь, и работа спорится лучше, а теперь нет никакого различия, но придет время, Господь покарает и за все спросит". Мне также приходилась часто от Гrimблит слышать слова: "Придет все же время, когда тот, кто не верует, будет после каляться и пострадает за это, как страдаем в данное время мы, верующие". Кроме того, Гrimблит использовала свое служебное положение для внедрения религиозных чувств среди стационарных больных. Находясь на дежурстве, Гrimблит выдачу лекарств больным сопровождала словами: "С Господом Богом". И одновременно крестила больных. Слабым же больным Гrimблит надевала на шею кресты".

"Относительно воспитания детей в настоящее время Гrimблит неоднократно говорила: "Что хорошего можно ожидать от теперешних детей в будущем, когда их родители сами не веруют и детям запрещают веровать". И, упрекая родителей, говорила: "Как вы от Бога ни отворачиваетесь, рано или поздно Он за все спросит". В 1936 году моя девяностолетняя дочка рассказывала мне, что Гrimблит ее выучила креститься, за что дала ей гостинцев".

После допросов свидетелей заместитель начальника НКВД Константиновского района допросил Татьяну.

— Обвиняемая Гrimблит, не состояли ли вы и не состоите ли в настоящее время в какой-либо религиозной секте; если состоите, то каковы ее цели?

— Ни в какой секте я не состояла и не состою.

— Обвиняемая Гримблит, из каких средств вы оказывали помощь заключенным и не являетесь ли вы членом какой-либо организации, ставящей своей задачей оказание им помощи, а также внедрение религии в массы?

— Я ни в какой организации никогда не состояла и не состою. Помощь заключенным и кому могу помочь я оказываю из своих заработанных средств. Внедрением религии в массы я никогда не занималась и не занимаюсь.

— Какова причина, что вы оказываете помощь в большинстве случаев политзаключенным, а также причина ведения вами переписки исключительно с политзаключенными?

— Являясь религиозным человеком, я и помощь оказывала заключенным религиозникам, с которыми встречалась на этапах и в заключении, и, выйдя на свободу, переписывалась с ними. С остальной же частью политзаключенных я никогда не имела никакой связи.

— Как вы проявлялись как религиозный человек относительно советской власти и окружающего вас народа?

— Перед властью и окружающими я старалась проявить себя честным и добросовестным работником и этим доказать, что и религиозный человек может быть нужным и полезным членом общества. Своей религиозности я не скрывала.

— Обвиняемая Гримблит, признаете ли вы себя виновной в ведении вами антисоветской агитации за время службы в Константиновской больнице?

— Никакой антисоветской агитации я нигде никогда не вела. На фразы, когда,

Татьяна Николаевна Гримблит.
Москва. Тюрьма НКВД. 1937 год

жалея меня, мне говорили: "Вы бы получше оделись и поели, чем посыпать деньги кому-то", я отвечала: "Вы можете тратить деньги на красивую одежду и на сладкий кусок, а я предпочитаю поскромнее одеться, попроще поесть, а оставшиеся деньги послать нуждающимся в них".

После этих допросов Татьяна была помещена в тюрьму в городе Загорске. 13 сентября 1937 года следствие было закончено и составлено обвинительное заключение. 21 сентября перед отправкой обвинительного заключения на решение тройки сотрудник НКВД Идельсон вызвал Татьяну на допрос и, узнав, за что и когда она арестовывалась раньше, спросил:

— Вы обвиняете в антисоветской агитации. Признаете ли себя виновной?

— Виновной себя не признаю. Антисоветской агитацией никогда не занималась.

— Вы также обвиняете в проведении вредительства, сознательном умертвлении больных в больнице села Константиново. Признаете себя виновной?

— Виновной себя не признаю, вредительской деятельностью никогда не занималась.

Прочитав протокол допроса, Татьяна подписалась под фразой, оканчивающей протокол: "Записано с моих слов верно, мной лично прочитано".

22 сентября тройка НКВД приговорила Татьяну к расстрелу. На следующий день она была отправлена в одну из московских тюрем, где перед казнью с ней была снята фотография для палача. Мужественная исповедница, всемерная помощница в узах находящимся девица Татьяна была расстреляна группой палачей на Бутовском полигоне под Москвой 23 сентября 1937 года и погребена в безвест-

ной общей могиле. Сбылись и радость и надежда: увенчанная мукой крестной в последний миг мучений смертных душа ко Господу спешит.

Память мученицы Татианы совершается 10/23 сентября, а также в день памяти Собора Новомучеников и Исповедников Российских XX века.

Составитель игумен
Дамаскин (Орловский)

Источники:

ГАТО. Ф. 126, оп. 4, л. 12-20; Ф. 209, оп. 1, д. 1032, л. 1-а-1-к, л. 8-13 об.
УФСБ России по Томской обл. Д. 11803-П.
ЦА ФСБ России. Д. Р-1086.
ГАРФ. Ф. 10035, д. П-78635.

Песнь соловья

Ложь, клевета благодарностью будут
Мне за любовь, за труды.
Пусть меня каждый и все позабудут, —
Помни всегда только Ты.

Вечную память мне дай, умоляю,
Память Твою, мой Христос.
С радостью светлой мой путь продвигаю, —
Муку мою кто унес?

Кто всю тоску, что мне сердце изъела,
Счастьем, любовью сменил,
Труд мой посильный в великое дело
Благостно в подвиг вменил?..

Молодость, юность — в одежде терновой,
Выпила чаша до дна.
Вечная память мне смертным покровом,
Верую, будет дана.

Татьяна Гrimблит

Ночь... Яркой тропой серебристой
Луна озаряла реку,
А где-то вдали соловей
Пел чудную песню свою.

Свободно звучала она
В безмолвной ночной тишине,
О счастии пел соловей,
Рыдал о печальной земле.

И страстной волной заливался,
И трепетно сердце жило,
Звук с тайнами ночи сливался,
Уснули тревога и зло.

Та песнь, как струна золотая,
Созвучье в душе находила;
Природа, певцу отвечая,
Заглохшие чувства будила.

И чувства те с новою силой
Всю душу мою волновали,
Отрадною думушкой милой
Сны тихого детства шептали.

1919 год

Обитель

О дума, бессонная дума,
Ты сердцем владеешь одна,
В далекую тянешь обитель,
Где вечно царит тишина.

Покой тот ничто не нарушит —
Ни слезы страданий людских,
И с уст не сорвется там стона,
Не вспомнится дней дорогих.

Душа отдохнет от невзгоды —
И правда откроется ей,
А радость любви без порока
Покроет рукою своей.

К той тихой обители, други,
Меня привлекает давно, —
Пристанищу мира и света
Названье могилы дано.

1919 год

Вдохновенье

Дорогое вдохновенье,
Чаще приходи, —
Только эти лишь мгновенья
Красят жизни дни.
Много в жизни нашей горя,
Редко светлый день.
Слез людьми пролито море —
Счастья только тень.
Ты же, светлое мгновенье,
Красишь жизнь мою:
Я души моей движенья
В сердце хороню.

1920 год

Пускай

Пускай надо мною смеются,
Пусть душу осудят мою,
Пускай драгоценное миро
На голые камни пролью.
Пусть будут забавою людям
Страданья и муки мои:
Я душу свою открываю —
Над ней посмеются они.

Тоску и молитву святую
В стихах я моих излила,
Мечты и желания сердца
И все, чем я только жила.
Поймут ли меня или буду
Напрасно я бисер метать?
Так пусть надо мною смеются —
Я все-таки буду писать.

1920 год

Желанье

О Распятый, Тебя умоляю,
Дай силы молчать и терпеть,
И только лишь темною ночью
Песни хвалебные петь.

Мне большего счастья не надо —
Хочу только ближним служить,
Ночами ж Тебя, мой Спаситель,
От чистого сердца хвалить.

Всенощная

“Слава Тебе, показавшему Свет...”
Возглас святой в алтаре, —
Этим словам, так любимым, в ответ
Дрогнуло сердце во мне.

Молча, с молитвой встаю на колени
Я пред Распятием святым,
Быстро скользят по лицу Его тени,
Кажется мне Он живым.

Кажется мне, что уста дорогие
Вымолвить слово хотят
Или закрытые очи святые
В душу с укором глядят.

Совесть сурово укор повторила —
Глаз не могу я поднять:
Страсти земные, тревожные всплыли,
Душу пустить не хотят.

Боже мой, Боже, все сердце с Тобою!
Славу Тебе не пою —
Сжалься, молю я, над грешной душою,
Видишь Ты — слезы я лью.

Слезы те, Боже, — раскаянья слезы:
Душу мою исцели,
Ночью пошли Ты ей светлые грэзы,
Мир в мое сердце всели.

Воспоминанье

Кукушка кукует: ку-ку да ку-ку,
Уныло та песня звучит
И, в сердце моем вызывая тоску,
О детских годах говорит.

О детские дни без забот и печали,
Всегда помяну вас добром,
А сердце подскажет: они миновали, —
Душа заскорбит о былом.

1921 год

Молитва

Спасителю Боже! Опять пред Тобой —
Ты душу мою защиши.
Свободно молиться Тебе не дают,
Осмейяны чувства мои.

Так пусть же смеются, хоть тяжек тот смех
И жизнь отравляет мою:
В минуту печали и скорби души
К Распятию ниц я паду.

А если тогда я Твой образ святой
Иметь пред собой не смогу,
То Лик Твой страдающий, скорбный Твой Лик
Очами ума воскрешу.

1921 год

Матери

Отпусти ты дочь Татьяну,
Пусть свой путь идет.
Не тревожь на сердце рану —
Много муки ждет.

1919 год

На пути моем всегда
Одинока буду,
Но, страдая, никогда
Бога не забуду.

Пусть мне помохи рука
Близкими не дастся,
Но с Тобой и скорбь легка,
Скрашено ненастье.

1921 год

Я молю: пошли мне силы,
Чтоб служила до могилы
Одному Тебе.

1920 год

Только Ты один
Поймешь и не осудишь,
Только Ты всегда
Справедливым будешь.

1920 год

Легче вдруг стало душе,
С сердца как камень свалился:
Верно, тогда за меня
Кто-нибудь Богу молился.

1920 год

Мне пред последним судом
Божьим не страшно явиться, —
В аду буду Бога любить,
В аду буду Богу молиться!

1920 год

Бог моя отрада,
Бог вся жизнь моя,
Бог моя ограда —
С Ним умру, любя.

1921 год

У Креста

“Не отвержи мене от лица Твоего...”
Умоляю, мой Бог справедливый,
Успокой мое сердце, — не жду ничего
Я от жизни земной, прихотливой.

Мне не радость сулит эта жизнь на земле —
Я решила идти за Тобой,
И в награду за то, что служу Красоте,
Мир покроет меня клеветой.

Но во имя Твое все готова терпеть —
Пусть я только лишь горе найду.
За Тебя, мой Господь, я хочу умереть,
За Тебя на страданья пойду.

Мир не понял меня и над скорбью святой,
Что в своей затаила груди,
Посмеется шутя и, смеясь над Тобой, .
Приготовит мне крест впереди.

Но готова служить всей душою Тебе, —
Пусть враги мне родные мои;
Утиши мою скорбь, мир усталой душе
Посытай в наши тяжкие дни.

Пусть осудят меня и не будет друзей,
Я с Тобою останусь одна, —
Только будь неразлучен с душою моей,
Помоги выпить чашу до дна.

Колыбельная песня

Я отраду нашла у Креста Твоего
И уж в мире от мира ушла,
Мой душевный покой отдала за него,
Много слез в тишине пролила.

Не слезами, а кровью я раны Твои,
Мой Спаситель, готова омыть:
Я хочу, чтоб скорее настали те дни, —
Мне бы жизнь за Тебя положить.

1922 год

Спи, дитя, спокойным сном,
Зло тебя не потревожит;
Свет луна льет за окном,
Но он к нам попасть не может.

Пусть бы скорби всей земли
Собрались, тебя пугая,
Ты ж спокойно, крепко спи, —
Я молюсь, тебя качая.

Как сквозь занавес окна
Свет луны не достигает,
Так тебя молитва та
От скорбей и бед спасает.

Тяжело придется жить:
Помни, дитятко, и в горе,
Что на суще и на море
Молитва матери звучит.

1922 год

Ночь

В небе уж яркие звезды горят,
Вижу я их из тюрьмы.
В камере тихо, и все уже спят,
Думу забыли умы.

Позднее время: мне сон-избавитель
Глаз не сомкнул — я не сплю.
Злая тоска, этот демон-мучитель,
Душу терзает мю.

Узкие двери железом обиты,
Тяжестью давят своей,
В окнах решетки слезами омыты
Много страдавших людей.

Больно душа о свободе тоскует,
Бьется как птица в сетях, —
А за решеткой неправда ликует,
Пляшет, купаясь в слезах,

И веселится: в крови, как в кораллах,
Весь ее яркий костюм,
Жемчуга нити — то слезы-кристаллы,
След от настойчивых дум.

Стены высокие, вы заглушите
Стоны печали людской,
Горе, страданье в себе скрооните —
Их не слыхать за стеной.

1923 год

Надежда

О надежда, луч небесный,
Чаше душу согревай,
Освещай мне в клетке тесной
Жизнь и силы подавай,

Чтоб боролась терпеливо,
До победного конца,
Пусть иду я сиротливо
И не жду себе венца.

Мой венец — насмешки, злоба.
Пусть смеются надо мной, —
Буду я служить до гроба
Правде, Истине святой!

1923 год

Доля

О душа, не скорби, не боли! —
Знаю горькую долю мою;
Сердце, жажду свою утоли
В тех слезах, что я тайно пролью.

Не услышит никто никогда
Наболевшего стона души:
Буду плакать я только тогда,
Когда ночь, — не заметят в тиши,
Как я Богу молюсь и скорблю,
Призывая напрасно друзей:
Далеко те, кого я люблю,
И не знают печали моей.

Пусть не знают — им легче теперь:
Не увидят решеток они
И железом обитая дверь
Не закроет веселья огни.
Солнце шлет им горячий привет
И весна рассыпает цветы, —
Для меня ж этой радости нет,
Угасают надежды, мечты.
Меня мрачные стены гнетут,
Одиночество душу томит,
По ночам мысли спать не дают,
Сердце бьется в груди и болит.

О душа, не скорби, не боли, —
Знаю горькую долю мою;
Сердце, жажду свою утоли
В тех слезах, что я тайно пролью.

1923 год

В тюрьме

О, эта решетка, решетка стальная!
Зачем она душу гнетет?
Погасла уж в сердце мечта золотая,
А время идет да идет.

Так лучшие годы в тюрьме мне томиться
Судьбой невеселой дано,
И молодость чистая быстро промчится,
Останется горе одно.

Печаль и невзгоды тяжелых страданий
Мне рано на сердце легли:
Нет больше тех светлых и чистых желаний,
Что душу к веселью влекли.

Мне вспомнилось детство: те годы златые
Я в доме родном провела, —
Невинные детски и детски святые
Мечты без порока и зла.

Теперь же порывы стремлений высоких
Тюрьма навсегда отняла,
Решетка стальная немало глубоких
Ран в сердце мое нанесла.

Что ж, Боже, твори Твою волю святую, —
Пусть мне суждено умереть,
Но Ты исцели мою душу больную
И силы ей даруй терпеть.

1923 год

У Покрова

Не могу передать Твоих щедрых даров
Ни на деле, ни словом простым, —
Ты прими меня, Матерь, под дивный Покров,
Будь защитой пред Сыном Твоим.
Знаю, полон любви, милосердия Он,
Да молитвы-то нет у меня...

Вижу, ложь разукрасилась в пестрый наряд,
Запрещенный Твой плод золотит,
Чтобы сладок он был, — а внутри его яд,
Злою мухой всю жизнь отравит.
Нет дороги добру, состраданью, любви,
Искаженные лица кругом...

Не расскажешь всего, всех печалей, тревог,
Ты Сама в этом мире жила,
И он дал Тебе скорби вкусить сколько мог,
Сколько мог он принес Тебе зла.
Знаешь все: как я сердцем на Бога взгляну —
Мир стоит предо мною стеной...

Клевета не страшна, не насмешка лягта,
Не разлука страданьем томит, —
А сознанье, что в сердце моем налита
Та же злоба, что в мире кипит.
О, Святейшая Матерь, молись за меня,
Волю Сына во мне утверди.

1929 год

Соузница

Я хочу передать,
Что мне камнем на сердце легло...
Может быть, тосковать
Меньше стало бы сердце мое, —
Не лаской, приветом,
А смертью пахнуло в лицо.
Забыть разве можно
Сырую подвальную клеть, —
В решетку высокую
Стучалась встревожено смерть,
И слово срывалось
С уже холдеющих губ:
Ей все открывались
Деревня и начатый сруб,
Поляна большая
И лес непроходной стеной
До самого края,
До речки прозрачной лесной.
Там дружно сливались
Пила и топор-сорванец,
Там дети остались,
Там муж, престарелый отец.
И мне показалось,
Тюрьма — это призрак пустой, —
Стоят, величаясь,
Высокие ели кругом,
Туманы ложатся,
С болота несет холодком, —

Чайка

Но мысль оборвалась...
Жить сердце устало —
Соузником стало
Мне стывшее тело ее.
Вот скромная повесть
Наследницы думы твоей, —
То миру не новость,
Так много в нем слито скорбей.

1929 год

Крик о страдании тонет
Там, где у берега лед.
Что это — дерево стонет,
Ветер кручину поет?

Нет, это чайка несется
Низко, над самой водой.
Крик из груди ее рвется,
Крик из груди молодой.

Много пришельцев встречали
Те берега, — и тогда
Так же вы, чайки, кричали,
Так же металась вода.

Белое море, молчи же:
Здесь не мираж, не мечты...
Чайка, чьи скорби здесь слиты,
Стонь чьи слышала ты? —

Стонь пришельцев невольных:
Случай, судьба, говорясь,
Делом остались довольны,
Горю и муке смеясь.

Чайка, твой крик не пойму я —
Горе ты хочешь унять,
Или жалеешь, тоскуя,
Или смеешься опять?

Ветром твой крик подхватило,..
И над пустыней снегов
Мука, поникнув, застыла,
Белый накинув покров.

1929 год

Слово

Хочется вылить тоску одинокую,
Петь без конца я хочу.
Выскажу слово нагое, глубокое, —
Душу на миг излечу.

Может быть, словом вся горечь сердечная
Скатится, прочь убежит.
Только боюсь, что печаль моя — вечная,
Та, что и ночью не спит.

С детства подруга моя неразлучная
(Верно, родилась со мной),
Дума тревожная, в скорби нескучная,
Раною стала больной, —

Дума, тоска о далеких, манящих
Правде, Любви, Красоте,
Ярко над злобою мира горящих,
Чуждых его суете.

Не заживай, моя рана глубокая,
Болью о Правде кричи,
Чтоб не залили огней тех сияния
Грязные злобы ручьи.

Жгучая тревога души неотступная,
Что далеко от меня,
Как и от мира жестоко-преступного,
Тихий тот трепет огня.

Вижу и знаю, что зло неизбежное
В сердце с пеленок — в крови;
В нем же забыты судьбою небрежною
Искры горячей любви.

Лесть окружает и страстным желанием
Хочет меня увенчать,
Скромный венок от любви и страдания
Мир устремился отнять.

Бейтесь же, волны страстей и томления,
Знаю — в борьбе тяжело;
В жизни суровой давно утешение
Сердце в любви обрело.

Тяжесть спадает — тоску ядовитую
Радость сменяет всегда.
Слово сердечное, слово открытое
Мир не поймет никогда.

1929 год